

Роберт К. Масси

Петр Великий. Деяния самодержца

© «Peter the Great» by Robert K. Massie, 1980
© Лужецкая Н. Л., перевод на русский язык, 2015
© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2015
© Анисимов Е. В., комментарий, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Часть I

Северная война

Глава 1

Владычица севера

Балтийское море – северное море. В лучах солнца оно ярко-синее, в дождь и туман – мрачно-серое, а на закате отликает золотом – и тогда все вокруг окрашивается в янтарные тона, под цвет окаменевшей смолы, которую можно найти только на этих берегах. Северная Балтика – это сосновые леса, фьорды красного гранита, галечные пляжи и множество крохотных островков. Южный берег имеет более мягкие очертания: полоса зелени отделена от воды песчаными пляжами, дюнами, болотами и невысокими глинистыми утесами. Протяженные ровные участки, как правило, заканчиваются отмелями и косами, окаймляющими мелководные лагуны – каждая шириной миль в десять и длиной в пятьдесят. По этой болотистой низменности протекают четыре знаменитые в истории реки: Нева, Двина, Висла и Одер – все они несут в море пресные воды, поэтому преобладающее течение направлено из Балтики в океан. Соленой воде трудно проникнуть в Балтийское море, и оттого ни в устье Невы, ни в Рижской бухте, ни у Стокгольма не бывает приливов¹.

Недостаток соли ведет к избытку льда. Зима приходит на Балтику в конце октября вместе с ночными заморозками и снегопадами. К октябрю иностранные корабли с железом и медью в трюмах и строевым лесом на палубах уходили из Балтики. Местные, балтийские капитаны заводили свои суда в порты, снимали оснастку, а корпуса оставались вмерзшими в лед до весны. К ноябрю небольшие бухты и заливы уже покрывались тонким слоем льда. В конце ноября замерзло море у Кронштадта и Петербурга, а в начале декабря – у Таллина и Стокгольма. Открытое море не замерзло, но дрейфующий лед и частые шторма затрудняли навигацию. Узкий пролив между Швецией и Данией часто забивался плавучими льдами, а в иную зиму покрывался сплошным ледяным панцирем. Воспользовавшись этим, в 1658 году шведская армия прошла по льду и неожиданно атаковала неприятеля – датчан. Северная половина Ботнического залива намертво замерзает с ноября до начала мая.

Весной Балтика понемногу вновь оживала. В Петров день, в конце июня, начинали прибывать караваны купеческих судов из Амстердама и Лондона. Они плыли по проливу шириной в три мили, оставляя по правому борту невысокие отвесные скалы и знаменитый гамлетовский Эльсинор, а по левому – холмистое шведское побережье. В июне Балтика уже была полна парусов: здесь и голландские купеческие суда с характерными округлыми носами, разрезающими темно-синие воды, с огромными гротами, наполненными ветром; и прочные дубовые английские корабли, плывущие за сосновыми мачтами и рангоутным деревом, дегтем и скипидаром, смолой и льняным полотном для парусов – всем тем, без чего

¹ Список цитируемых источников приведен в конце книги. Подстрочные примечания научного редактора снабжены указанием – *Примеч. ред.* В остальных случаях примечания принадлежат автору.

не мог бы существовать Королевский флот. На протяжении короткого северного лета, под прозрачными голубыми небесами, суда бороздили море в разных направлениях, бросали якорь и пришвартовывались в балтийских гаванях. Капитаны сходили на берег, обедали с купцами, матросы пили в кабаках и выбирали себе подружку на ночь.

Большие и малые портовые города Балтики, с их мощеными улицами и средневековыми каменными зданиями с островерхими крышами, фронтонами, башенками и зубчатыми парапетами, по облику были и по сегодняшний день остаются немецкими. Старинный город Ревель (ныне Таллин) – столица Эстонии – вырос вокруг средневековой цитадели, воздвигнутой на крутом могучем утесе. Вокруг высоких круглых башен вьются быстрые ласточки, а внизу, в парке, раскинувшемся под массивными стенами крепости, под цветущими каштанами и сиренью, играют светловолосые эстонские детишки. Рига – столица Латвии – крупнее и современнее, но исторический «старый город» на берегу Двины также являет собой мир мощных улочек и немецких пивных, над которыми высятся шпили выстроенных в стиле барокко церквей Святого Петра и Святого Иакова и величественный Домский собор. За городом, вдоль Рижского взморья, на многие мили протянулся широкий белый песчаный пляж, окаймленный дюнами и соснами.

Во времена Петра архитектура, язык, религия и весь культурный облик маленьких прибалтийских государств и их соседа, российского колосса, были чужды друг другу. Находившиеся вначале под властью тевтонских рыцарей, а впоследствии немецкой аристократии, эти ревностные приверженцы Ганзейского союза и лютеранской церкви сумели сохранить свою культурную и религиозную самостоятельность даже после того, как армия Петра, промаршировав от Полтавы, захватила Ригу, и все эти территории на двести лет оказались в составе Российской империи.

* * *

К северу, среди лесов и озер, лежит Швеция – государство, которое в петровские времена достигло вершин своего могущества. Швеция простирается на тысячу миль – от побережья Балтики на юге до заполярных областей на севере. Это земля хвойных лесов и березняка, земля 96 000 озер, земля снега и льда. Как и в северной части России, лето здесь короткое и прохладное. Лед образуется в ноябре и ломается в апреле, и только пять месяцев в году температура не опускается ниже нуля по Цельсию. Эта холодная, суровая, прекрасная земля взрастила племя людей упорных и выносливых.

В XVII столетии обширное пространство Швеции населяло всего каких-то полтора миллиона человек. В основном это были фермерские семейства, обитавшие в простых деревянных домах, пахавшие сохой и носившие домотканую одежду, как повелось испокон веков. Путь от одной фермы до другой, от городка до деревни был долгим и небезопасным. Дороги оставляли желать лучшего, и путешествовать здесь, как и в России, было легче зимой, в санях, когда можно ехать прямо по льду замерзших озер. Спасаясь от ледяных ветров, шведские крестьяне коротали бесконечные зимние дни возле горячих печей или шли париться в общественную баню – самое верное средство, когда продрог до костей.

Вначале Швеция вывозила богатства своих недр: серебро, медь и железо. Железо, без которого ни война, ни мир обойтись не могут, имело самое большое значение и обеспечивало половину шведского экспорта. Большая часть торговли велась через столицу – Стокгольм, где в 1697 году насчитывалось около 60 000 жителей. Город стоял на восточном побережье Швеции, окаймленном поясом островков, защищавших береговую линию от открытого моря. Наиболее густо острова расположены в том месте, где Ботнический залив соединяется с Балтийским морем. Чтобы попасть в Стокгольм с моря, нужно преодолеть сорок пять миль по основному фарватеру Сальтшён, минуя бесчисленные острова. Здесь, в месте слияния рек, озер и Сальтшён, был выстроен средневековый Стокгольм – обычный небольшой город за крепостной стеной, с узкими извилистыми улочками, островерхими крышами и тонкими церковными шпилями, похожий на любой город Северной Германии и

Прибалтики.

В XVII веке Стокгольм стал важным торговым портом. Голландские и английские купеческие суда заполняли гавань и швартовались у широкого причала, чтобы загрузиться шведским железом и медью. По мере того как множилось число доков, верфей, рынков и банковских учреждений, город разрастался, занимая соседние острова. С ростом богатства церковные шпили и крыши общественных зданий покрывались медью, отсвечивавшей золотым багрянцем в лучах заходящего солнца. Во дворцы и особняки знати проникал изысканный вкус Версаля. Суда, отплывавшие с грузом шведского железа, возвращались назад, из Амстердама и Лондона, с английской ореховой мебелью, французскими позолоченными стульями, голландским дельфтским фарфором, итальянской и немецкой стеклянной посудой, обоями с золотым тиснением, коврами, тончайшим полотном и столовым серебром изящной работы.

В основе богатства страны, наряду с железом и медью, лежали обширные имперские владения. XVII век был для Швеции веком ее величия. С 1611 года, когда на престол взошел семнадцатилетний Густав Адольф, до 1718 года, когда погиб Карл XII, Швеция переживала лучшие времена своей истории. Шведские владения занимали все северное побережье Балтики и ключевые территории вдоль южного берега. В состав империи входили Финляндия и Карелия, Эстония, Ингрия и Ливония – то есть все земли, омываемые водами Ботнического и Финского заливов. Швеция владела западной Померанией и морскими портами – Штеттином (Щецином), Штральзундом и Висмаром на северо-германском побережье. Ей подчинялись Бременское и Верденское епископства, располагавшиеся к западу от полуострова Ютландия, занятого Данией, и открывавшие шведам прямой выход в Северное море. Кроме того, империи принадлежало большинство островов Балтийского моря.

Еще более важное значение для Швеции, нежели территория, имела торговля. Синезелтый государственный флаг Швеции горделиво реял над устьями всех (за исключением одной) рек, впадающих в Балтийское море, – Невы, несущей воды в Финский залив, Двины (Даугавы), впадающей в море на болотистой низине вблизи Риги, и Одера, впадающего в Балтику у Штеттина. Лишь устье Вислы, которая протекала по территории Польши и впадала в Балтийское море в районе Данцига (Гданьска), не принадлежало Швеции.

То, что эти территории находились под властью шведской короны, было заслугой прославленных шведских военачальников и мужественных солдат. Первым и величайшим из полководцев был Густав Адольф – Лев Севера, спаситель протестантизма в Германии, неутомимый воин, дошедший со своей армией до Дуная; он погиб в тридцать восемь лет, возглавляя кавалерийскую атаку в победоносной битве при Лютцене². Тридцатилетняя война, продолжавшаяся и после его гибели, увенчалась Вестфальским миром, который щедро вознаграждал усилия Швеции: она приобрела германские провинции и вместе с ними – контроль над устьями Одера, Везера и Эльбы. Присоединение этих германских территорий породило странную ситуацию, при которой Швеция – протестантская владычица Севера – управляла частью Священной Римской империи и участвовала в работе имперского сейма. Помимо номинальной власти, эти владения давали Швеции нечто гораздо более важное: доступ к Центральной Европе. Обладая плацдармом на континенте, она могла направлять свои армии в глубь Европы, и это делало ее силой, с которой приходилось считаться в

² Густаву Адольфу наследовала его единственная шестилетняя дочь – впоследствии легендарная королева Кристина. Став полноправной королевой в восемнадцать лет, Кристина правила Швецией с 1644 по 1654 г. Ее самой большой страстью было учение. Она вставала в пять утра и садилась за книгу. Иностранные ученые, музыканты и философы, включая Декарта, стекались к ее двору, привлеченные рассказами о ее талантах и щедрости. В двадцать восемь лет она неожиданно отреклась от престола, ссылаясь на нездоровье и на то, что бремя правлений слишком тяжело для женщины. Истинной причиной, однако, было ее тайное обращение в римско-католическую веру, что считалось недопустимым в протестантской Швеции. Трон перешел к двоюродному брату Кристины, королю Карлу X, дедушке Карла XII. Сама Кристина сразу после отречения уехала в Рим, где и прожила оставшиеся тридцать четыре года жизни. Она была другом четырех пап, блистательной покровительницей искусств и возлюбленной кардинала Аццолини.

вопросах войны и мира.

Словом, Швеция представляла собой великую державу, не лишенную, однако, и слабостей. Чересчур увлекшись завоеваниями, она разрослась сверх меры. Впрочем, преимуществ у нее было немало: трудолюбивый народ, дисциплинированные солдаты, короли, с блеском выступавшие в роли полководцев. И все же, чтобы сохранить достигнутое, ей требовалась осмотрительность. Силы нации нужно было беречь, а не ввязываться в новые, сумасбродные авантюры. Пока шведские монархи понимали это и действовали с оглядкой, у них имелись все основания полагать, что Швеция надолго, если не навсегда, останется владычицей Севера.

* * *

Причины Северной войны коренятся в истории и экономике – не только в страстном стремлении Петра получить доступ к морю. Борьба между Россией и Швецией за обладание землями по берегам Финского залива насчитывает не одно столетие. С XIII века Швеция враждовала с Новгородской республикой и Московским княжеством. Карелия и Ингрия, располагавшиеся к северу и югу от Невы, были исконными русскими землями³. Русский полководец Александр Невский одержал победу над шведами на Неве в 1240 году (за что его и прозвали «Невский»). Во время Смуты, последовавшей за кончиной Ивана Грозного, Швеция захватила обширную территорию, на которой находился и Новгород. В 1616 году Швеция вернула Новгород, но продолжала контролировать всю береговую линию с помощью таких крепостей, как Нотебург на Ладожском озере, Нарва и Рига, по-прежнему лишая Россию выхода к морю. Царь Алексей Михайлович предпринял попытку отвоевать захваченные земли, но был вынужден оставить эту затею. Его куда больше беспокоил конфликт с Польшей, а выступать одновременно против Польши и Швеции Россия не могла. Русско-шведским мирным договором в Кардисе⁴ в 1661 году было закреплено право Швеции на владение этими землями.

Однако мысль об их возвращении не оставляла Петра. Оттого что они находились в руках у иноземцев, Россия несла значительные экономические потери. Обильный поток русских товаров тек через принадлежавшие Швеции порты Риги, Ревеля и Нарвы, где их облагали высокими пошлинами во благо шведской казны. Ну а кроме всего прочего, море неудержимо притягивало Петра. Побывав в Вене, он понял, что, поскольку император настроен на мир, а воевать с Османской империей в одиночку невозможно, доступ к Черному морю для него закрыт. Но совсем рядом – Балтийское море, его волны плещутся о берег всего лишь в нескольких верстах от русской границы, и оно могло бы служить прямым путем в Голландию, Англию и другие западные страны. И когда Петру представилась возможность вернуть эти территории, начав войну против юного шведского короля в союзе с Польшей и Данией, искушение оказалось непреодолимым.

Возможно, война бы и не началась, если бы судьба неожиданно не выдвинула на сцену фанатичного человека, который поднес фитиль к пороховой бочке. Иоганн Рейнгольд Паткуль был патриотом без родины. Он принадлежал к старинному ливонскому дворянству – напористым потомкам тевтонских рыцарей, которые некогда завоевали Ливонию, Эстонию и Курляндию и владели ими до середины XVI столетия. Не выдержав тяжелых ударов, нанесенных Иваном Грозным, Тевтонский орден распался и Ливония оказалась под властью Польши⁵. Поляки проводили жесткую политику – настаивали на употреблении польского

³ Ингрия – это Ижорская земля из русских документов. Под Карелией понимались территории Карельского перешейка. – *Примеч. ред.*

⁴ Русско-шведский мир 1661 г., заключенный в местечке Кардис близ Юрьева (Тарту), завершил неудачную для России войну со Швецией (1656–1661 гг.). Договором были подтверждены условия Столбовского мира 1617 г., отрезавшего Россию от побережья Балтики. – *Примеч. ред.*

⁵ Ливония – так с XIII до середины XVI в. называлась территория Латвии и Эстонии, завоеванная немецкими

языка, соблюдении польских законов, насаждали католицизм, в результате чего ливонские протестанты стали искать защиты у своих единоверцев в Швеции. В 1660 году после длительной борьбы Ливония стала одной из шведских провинций, и на нее распространялась политика шведского королевства, в том числе широко известная и встречавшая повсеместное сопротивление практика редукции⁶ Карла XI. После ранней кончины Густава Адольфа шведская аристократия быстро усилила свое, правда относительное, влияние в государстве, чем вызвала ненависть других слоев населения. Когда Карл XI взойшел на трон, и он, и шведский парламент (риксдаг) были убеждены в необходимости уменьшить влияние аристократии, предоставив королю абсолютную власть. Этого можно было добиться, потребовав возвращения короне многочисленных земель, ранее переданных в пользование дворянству. Дворяне же привыкли воспринимать эти земли как свои наследственные владения. Редукция, проводившаяся с 1680 года, осуществлялась сурово и непреклонно не только по отношению к самой Швеции, но и ко всем провинциям Шведской империи, включая Ливонию. Эта политика болезненно воспринималась в Ливонии, ведь всего двумя годами ранее Карл XI торжественно подтвердил права ливонских баронов и обещал не ущемлять их никакой редукцией, даже если она и будет проводиться в Швеции. Бароны воспротивились конфискации и направили эmissаров в Стокгольм ходатайствовать о своем деле.

Одним из этих эmissаров был Паткуль. Физически сильный, привлекательный, образованный, он говорил на многих языках, писал по-гречески и по-латыни и слыл к тому же опытным офицером. Но при этом он был вспыльчив, жесток, непреклонен в достижении цели. Когда он говорил, его отвага и страстная убежденность в правоте своего дела внушали слушателям ощущение, что перед ними личность сильная и незаурядная. Тронутый его красноречием, Карл XI коснулся плеча Паткуля со словами: «Ты говорил о своей родине как честный человек. Благодарю тебя». Однако король вновь подтвердил, что редукция – «государственная необходимость», и заявил, что для Ливонии не может быть сделано исключения. Паткуль вернулся в Ливонию, сочинил пламенное послание и отправил его в Стокгольм. Содержание послания сочли изменническим и заочно приговорили Паткуля к отсечению правой руки и головы. Но он ускользнул от шведских офицеров, посланных его арестовать, и начал скитаться по Европе, пытаясь найти какой-нибудь способ освободить родину. Шесть лет он мечтал о создании антишведской коалиции, которая могла бы дать Ливонии независимость или хотя бы восстановить силу ливонского дворянства. Когда Карл XI умер и на трон взойшел пятнадцатилетний юноша⁷, казалось, что такая возможность наконец представилась.

Паткуль был нетерпелив, но мыслил он реалистично; чтобы сбросить шведское иго, маленькой провинции придется принять помощь и, вероятно, оказаться под властью другой могущественной державы. Самым подходящим покровителем казалась Польша – республика, где находившаяся у власти шляхта выбирала короля. При такой ослабленной системе, размышлял Паткуль, у ливонского дворянства будет больше шансов сохранить свои права. Помимо всего прочего, недавно избранный польский король Август Саксонский сам был немец, что позволяло надеяться на его благожелательное отношение к германскому дворянству Ливонии.

крестоносцами. После образования Курляндского герцогства Ливонией стали называть преимущественно территорию, занятую современной Латвией и Южной Эстонией. Сначала она находилась под властью Речи Посполитой, а потом была захвачена Швецией. В рамках Шведской империи эти территории в XVII в. получили новое название – Лифляндия.

Гибель Тевтонского ордена была обусловлена, прежде всего, поражением немцев в Грюнвальдском сражении 1410 г. Задолго до Ивана Грозного, в 1466 г., орден стал вассалом Польши, а в 1525 г. прекратил существование как государство. На его месте возникли Пруссия, Курляндия и Семигалия. – *Примеч. ред.*

⁶ Редукция – возвращение государству коронных земель, отданных некогда помещикам. Помещики получали денежную компенсацию, а крестьяне – свободу. – *Примеч. ред.*

⁷ То есть сын Карла XI Карл XII. – *Примеч. ред.*

В октябре 1698 года Паткуль тайно прибыл в Варшаву и принялся убеждать Августа взять на себя инициативу в формировании антишведского союза. Паткуль уже побывал у короля Дании Фредерика IV и убедился, что тот не против такого альянса. Датчане так и не смирились с потерей территории в южной Швеции⁸, отвоеванной у них Густавом Адольфом, и надеялись, что наступит время, когда Эресунн (Зунд) – пролив, отделяющий Балтийское море от Северного и Данию от Швеции, – можно будет назвать «рекой, протекающей по владениям короля Дании». Кроме того, у датчан вызывало тревогу и беспокойство присутствие шведских войск на территории герцога Гольштейн-Готторпского возле их южных границ.

Август заинтересовался предложением Паткуля, и особенно его заявлением, что ливонское дворянство готово признать Августа своим королем с правом наследования. Это открывало перед ним блестящие перспективы. Горячим желанием Августа было сделать польский престол из выборного наследственным. Он надеялся, что, захватив Ливонию с помощью саксонских войск и присоединив ее, как свое наследственное владение, к Речи Посполитой, он получит поддержку шляхты и сможет навсегда закрепить за собой и своими потомками польский трон. Паткуль всячески подогревал нетерпение Августа. Оценивая возможную реакцию крупнейших европейских держав на подобную войну – предмет особого беспокойства Августа, – Паткуль пришел к выводу о том, что Австрия, Франция, Голландия и Англия, несомненно, «пошумят по поводу ущерба, причиняемого торговле, но, скорее всего, практических шагов предпринимать не станут». Чтобы окончательно склонить Августа на свою сторону, Паткуль заверил короля в том, что завоевать Ливонию будет несложно, и даже представил ему точное описание укреплений Риги – города, который должен был служить главным объектом устремлений Августа.

Результат усилий Паткуля превзошел самые смелые его ожидания. Между Данией и Польшей был подписан договор о совместном выступлении против Швеции⁹. Фредерик IV должен был очистить провинции Шлезвиг и Гольштейн от шведских войск, а затем вторгнуться через пролив в Сканию – самую южную из провинций Швеции. Августу предстояло в январе или в феврале 1700 года ввести саксонские войска в Ливонию и попытаться внезапным ударом захватить Ригу. Таким образом, шведским войскам пришлось бы драться одновременно в Северной Германии, в Прибалтике и в самой Швеции. Союзники рассчитывали на то, что шведская империя попросту развалится, поскольку слишком юный король не сможет объединить народ и возглавить армию. И наконец, Паткуль предложил привлечь к войне против Швеции еще одного союзника – русского царя Петра. Вторжение русской армии в Ингрию на берегу Финского залива отвлекло бы на себя какие-то силы шведов. Петр также мог бы предоставить деньги, провиант и людей, чтобы поддержать саксонские войска при осаде Риги. Ни Паткуль, ни союзники не возлагали особых надежд на боеспособность русских войск, но рассчитывали, что отсутствие этого качества они восполнят количеством. «Русская пехота более всего пригодна для того, чтобы сидеть в траншеях и подставлять себя под неприятельские выстрелы, – утверждал Паткуль, – тогда как королевские [короля Августа] войска можно было бы сохранить, используя в качестве прикрытия», – иными словами, русские войска должны были послужить пушечным мясом.

Заговорщиков волновало, что после вторжения в прибалтийские провинции русские войска будет нелегко убедить уйти оттуда. «Абсолютно необходимо, – предупреждал Паткуль, – связать руки царя таким образом, чтобы он не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы насадим на вертел, то есть чтобы он не овладел Ливонией и не шел дальше Нарвы, ибо в этом случае он мог бы угрожать центральной Ливонии и захватить Дерпт [Тарту], Ревель и всю Эстонию едва ли не прежде, чем об этом стало бы известно в

⁸ Речь идет о провинции Скания (Скон). – *Примеч. ред.*

⁹ Такого договора не было. Антишведский Северный союз был основан двумя договорами 1699 г.: русско-датским и русско-саксонским. Король Польши был курфюрстом Саксонии. Сама же Польша – Речь Посполитая – вступила в войну лишь в 1704 г. – *Примеч. ред.*

Варшаве».

Под именем Киндлера Паткуль в числе двенадцати саксонских инженеров, нанятых царем, прибыл из Варшавы в Москву, сопровождая личного представителя Августа генерала Георга фон Карловича, чтобы попытаться склонить Петра на свою сторону¹⁰. Но в Москве оба заговорщика попали в весьма необычную ситуацию. Шведы, почуяв, что против них сколачивается союз, и желая умиротворить Петра, летом 1699 года направили в Москву пышное посольство, которое должно было объявить о вступлении на трон короля Карла XII и просить подтвердить и возобновить все ранее существовавшие договоры, как это всегда делалось при вступлении на трон нового монарха. Великолепие шведского посольства должно было сгладить то неприятное впечатление, которое осталось у Петра после посещения Риги в 1697 году. Когда в середине июня посольство прибыло на русскую границу, дядя царя Лев Нарышкин встретил гостей почтительно, но предупредил, что послам придется подождать возвращения царя, который со своим флотом находится под Азовом.

Вернувшись в начале октября в Москву, Петр оказался в непростом положении. Его ожидали сразу две делегации: официальное шведское посольство просило подтвердить существовавшие мирные соглашения, тогда как тайное польское посольство Карловича и Паткуля просило его пойти войной на Швецию. Затем в течение нескольких недель велись параллельные переговоры. Официальные – и нежелательные – переговоры со Швецией проходили открыто в Посольском приказе, тогда как серьезные тайные переговоры с Карловичем проводил лично Петр в Преображенском в присутствии лишь Федора Головина и переводчика – Петра Шафирова.

Шведам было известно о присутствии Карловича и о том, что готовится какое-то соглашение – мирный договор, как они полагали. Об истинном положении дел они не догадывались. Чтобы усыпить бдительность шведов, Петр принял послов с большим почетом, они же преподнесли ему конный портрет их юного короля. Для пущей правдоподобности Петр пошел на формальное подтверждение заключенных ранее договоров со Швецией, но, чтобы несколько успокоить совесть, он уклонился от целования креста на церемонии подписания. Когда шведские послы заметили эту уловку и указали на нее, Петр объяснил, что он уже поклялся соблюдать все договоры при восшествии на престол и что русский обычай не позволяет клясться дважды. 24 ноября шведские послы получили последнюю аудиенцию у царя. Петр был приветлив и вручил им официальное послание к королю Карлу XII, подтверждавшее мирные соглашения между Швецией и Россией.

Между тем миссия Карловича и Паткуля продвигалась успешно. Петр принял Карловича и прочел врученный ему документ, автором которого, возможно, был Паткуль (сам Паткуль по-прежнему сохранял инкогнито): в ответ на заключение союза Август обязался поддержать притязания России на Ингрию и Карелию. Затем Петр призвал датского посланника Гейнса, который был посвящен в тайну этих переговоров, поскольку Дания уже подписала союзнический договор с Польшей. Гейнс подтвердил обязательства, содержащиеся в документе. Таким образом, всего три дня спустя после отъезда шведского посольства из Москвы Петр подписал договор, по которому обещал, если сможет, двинуть свои войска на Швецию не позднее апреля 1700 года. Царь намеренно уклонился от указания точной даты и включил в договор пункт, в соответствии с которым выступление России должно было последовать только после подписания мира или перемирия между Россией и Турцией. Когда договор был подписан, Паткуля, который до сих пор держался в тени, наконец представили царю. Двумя неделями позже Карлович отбыл из Москвы в Саксонию, намереваясь проехать через Ригу и, пользуясь случаем, осмотреть городские укрепления.

* * *

¹⁰ Устное соглашение между Петром и Августом в Раве-Русской было лишь выражением взаимных симпатий. Ни формального союза, ни плана кампании не существовало.

Петр, обязавшись выступить против одной из сильнейших военных держав Европы, немедленно взялся за грандиозную работу по подготовке к войне. Со времени путешествия на Запад его больше всего интересовал флот. Но теперь ему пришлось переключить внимание со строительства судов на подготовку нужного количества орудий, пороха, подвод, лошадей, обмундирования и солдат. Поскольку стрелечное войско было дезорганизовано и от него осталось всего несколько полков, основу профессиональной армии Петра составляли теперь четыре полка гвардии: Преображенский, Семеновский, Лефортовский и Бутырский¹¹. Таким образом, если Петр собирался выполнить данное Августу обещание, он должен был в течение трех месяцев создать новую армию – набрать солдат, обучить их, снабдить и поставить в строй.

Петр действовал быстро. Был выпущен указ, обращенный ко всем светским и духовным землевладельцам. Всем светским землевладельцам предписывалось направить на царскую службу по одному рекруту с каждых пятидесяти крестьянских дворов, расположенных в их владениях. Монастыри и прочие церковные землевладельцы были обложены более суровой повинностью – поставить одного рекрута с двадцати пяти дворов. Петр также объявил набор добровольцев среди вольных жителей Москвы, пообещав хорошую плату: одиннадцать рублей в год и водочное довольствие. Новобранцам было указано явиться на смотр в Преображенское в течение декабря и января, и почти всю зиму они стекались в лагерь Петра. По образцу четырех гвардейских полков необходимо было сформировать двадцать семь новых полков численностью от двух до четырех батальонов в каждом. Теперь Петру особенно не доставало Патрика Гордона. Шотландец, с его бесценным опытом, был бы незаменим, а так Петру приходилось самому руководить обучением новобранцев. Ему помогали командир гвардии генерал Автомон Головин и генерал Адам Вейде. Князь Аникита Репнин тем временем был направлен для набора и подготовки войск на нижнюю Волгу.

Хотя командиры трех вновь созданных корпусов – Головин, Вейде и Репнин – были русскими подданными, всеми полками командовали иностранцы; некоторые из них участвовали в Крымских и Азовских походах, другие были только недавно завербованы на Западе. Труднее всего оказалось договориться с русскими командирами старшего поколения, которые в большинстве своем попросту не желали идти на войну. Чтобы заменить уволенных со службы, в армию были зачислены офицерами многие придворные. На первый взгляд они так быстро усваивали воинскую науку, что Петр не удержался от восклицания (несколько преждевременного): «Зачем мне тратить деньги на чужеземцев, когда у меня свои не хуже!» Впоследствии в армию влились чуть не все стольники и постельничие, состоявшие при дворе.

Новобранцев экипировали по немецкому образцу – в мундиры темно-зеленого сукна и треуголки. Их вооружили мушкетами и багинетами, и началась муштра: солдат обучали маршировать в ногу, разворачиваться в шеренгу, держать строй и стрелять по команде. Артиллерия – внушительная благодаря тому, что король Карл XII подарил царю триста пушек для войны против турок¹², – находилась под командованием грузинского царевича Александра Имеретинского. Царевич сопровождал Петра в его поездке в Голландию и изучал артиллерийское дело в Гааге. Генерал Вейде, который прежде служил в армии принца Евгения Савойского, составил Воинский устав, предусматривавший суровое наказание за нарушения армейской дисциплины.

Всю весну 1700 года Петр разрывался между двумя войнами – той, которую он желал бы наконец закончить, и той, которую желал бы поскорее начать. Во время переговоров с турками в феврале 1700 года из Константинополя стали доходить столь угрожающие слухи, что Петр решил: необходимо готовиться к новой войне с султаном. Он оставил в Преображенском проходившие обучение полки, а сам помчался в Воронеж, где работал не

¹¹ Лефортовский и Бутырский полки гвардейскими не являлись. – *Примеч. ред.*

¹² Пушки, подаренные шведами, в войне против них не использовались. – *Примеч. ред.*

покладая рук, чтобы подготовить флот к войне. К концу апреля в присутствии царского сына, сестры и многочисленных бояр произошел спуск на воду 64-пушечного корабля «Предестинация», в постройке которого участвовал сам Петр.

Пока царь находился в Воронеже, оба его балтийских союзника нанесли Швеции запланированные удары. В феврале 14-тысячная саксонская армия неожиданно вторглась в Ливонию и осадила хорошо укрепленную рижскую крепость. Шведы контратаковали и отбросили наступавших, при этом погиб генерал Карлович. Петр был раздосадован, особенно поведением Августа: король, по его мнению, должен был стать во главе своих войск и лично вести их на Ливонию, вместо того чтобы отсиживаться в Саксонии и «развлекаться с женщинами».

В марте другой союзник Петра, Фредерик IV, с 16-тысячной армией вторгся на расположенную к югу от Дании территорию герцога Гольштейн-Готторпского и осадил город Теннинг. Теперь, как никогда, требовалось, чтобы Петр внес свой вклад наступлением на Ингрию. Но у царя были связаны руки. «Жаль, – говорил он Головину, – но поделаться ничего нельзя, пока нет вестей из Константинополя».

Той весной слухи о подготовке турок становились все настойчивее и тревожнее. Петр был настолько обеспокоен, что решил вновь официально подтвердить свои добрые отношения со Швецией. Чтобы развеять слухи о его тайных договорах с Данией и Польшей и заверить шведов в своих благих намерениях, он предложил направить в Стокгольм русское посольство. Томас Книпперкрона, шведский посланник в Москве, пребывал в полном неведении относительно тайных переговоров, которые велись прошлой осенью буквально у него под носом. Он искренне обрадовался намечавшемуся посольству, и Петр умело сыграл на его доверчивости. На следующий день после своего возвращения из Воронежа в Москву царь призвал Книпперкрону, набросился на посла с шутливыми упреками: зачем его жена в письме к дочери писала, будто все шведы в Москве пребывают в ужасе оттого, что русская армия собирается вторгнуться в Ливонию? (Дочь посланника, гостившая в Воронеже, показала царю письмо матери.) «Твоя дочь так горько плакала, что я насилу ее успокоил, – сказал Петр. – Уж не думаешь ли ты, что я начну неправую войну против свейского короля и нарушу вечный мир, только что мною обещанный?» Книпперкрона умолял царя простить его жену. Петр дружески обнял посланника и клятвенно пообещал, что если польский король овладеет Ригой, то он, Петр, сам «вырвет ее у него из рук». Полностью успокоенный Книпперкрона сообщил в своей депеше в Стокгольм, что царь и не помышляет о нападении на Швецию¹³.

Прошла весна, потом июнь, июль – а из Константинополя по-прежнему не было вестей. 15 июля Петр принял саксонского посланца генерал-майора барона Лангена. Август, который наконец присоединился к своей армии, осаждавшей Ригу, умолял царя начать военные действия. По словам Лангена, «царь выслал своих министров из комнаты и со слезами на глазах сказал мне на ломаном голландском, как он опечален тем, что заключение мира с Турцией задерживается... Он сказал, что приказал своему послу заключить мир или перемирие наискорейшим образом, даже и к собственной невыгоде, чтобы развязать себе руки и иметь возможность помочь своим союзникам». Наконец 8 августа прибыло известие из Константинополя: 3 июля было подписано перемирие сроком на тридцать лет. Курьер Украинцева спешил изо всех сил и добрался из Константинополя до Москвы за тридцать шесть дней.

Петр получил долгожданную свободу действий и больше не медлил. Вечером того дня, когда пришла депеша от Украинцева, в Москве был устроен грандиозный фейерверк в честь

¹³ В то время, как и сейчас, в вопросах войны и дипломатии моральная сторона играла второстепенную роль. Большинство государств захватывали территории или колонии, какие только могли. С точки зрения Петра, эти прибрежные области, Ингрия и Карелия, были исконно русскими землями; и вот теперь наступил благоприятный момент, чтобы их вернуть. Точно так же параллельные переговоры Петра со Швецией и Саксонией не представляли собой, по понятиям того времени, ничего постыдного. Подобные политические игры были обычным явлением для Лондона, Парижа, Вены и Константинополя.

заклучения перемирия с Турцией. Утром следующего дня с Красного крыльца в Кремле было объявлено о начале войны со Швецией. Указ гласил: «Великий Государь указал, за многие неправды швейского короля, и в особенности за то, что во время государева шествия через Ригу чинились ему многие противности и неприятства, идти на швейские города ратным людям войною». Называлась и непосредственная цель войны – вернуть России Ингрию и Карелию, «Божией Милостью издревле принадлежавшие России и отторгнутые во время Беспокойства и Смуты». В тот же день Петр направил Августу послание, в котором уведомлял его о произошедших событиях и сообщал: «Надеемся в помощи Божией, что Ваше Величество инако, разве пользы, не увидите».

* * *

Так началась Северная война, или, по словам Вольтера, «знаменитая война на Севере». На протяжении двадцати лет два монарха – Петр и Карл – будут вести поединок, исход которого определит судьбу двух империй. Вначале, с 1700 по 1709 год, Петр будет обороняться, подготавливая себя, армию и страну к тому времени, когда вся боевая мощь Швеции обрушится на его патриархальное царство. Несмотря на военное лихолетье, Россия будет продолжать свои преобразования. Но это будут не тщательно спланированные и методически осуществляемые реформы, а скорее отчаянные, поспешные меры, продиктованные необходимостью во что бы то ни стало устоять против безжалостного неприятеля. Позже, после Полтавы, стороны поменяются местами, но оба монарха будут по-прежнему продолжать борьбу: один – подстрекаемый зачастую бесполезными политическими союзами, в которых он и сам уже не мог разобраться, другой – движимый страстным желанием расквитаться за свое поражение и остановить крушение своей империи.